

Фольклорный текст: коммуникативный аспект

УДК 82-343

Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера)

Инна С. Веселова

*Санкт-Петербургский государственный университет, АНО «Пропповский центр:
гуманитарные исследования в области традиционной культуры»,
Санкт-Петербург, Россия, veselinna@mail.ru*

Андрей В. Степанов

*Санкт-Петербургский государственный университет, АНО «Пропповский центр:
гуманитарные исследования в области традиционной культуры»,
Санкт-Петербург, Россия, dobrohodushka@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию композиции мифологических нарративов. Материалом для исследования послужил корпус мифологических нарративов, записанных в ходе фольклорно-антропологических экспедиций на Русский Север (Архангельская и Вологодская обл.), предпринятых в конце XX – начале XXI в. На основании анализа данного корпуса авторы приходят к выводу о наличии у значительной части рассказов особой композиции, связанной со способом переживания мифологического события. Эти рассказы представляют собой не повествовательный нарратив, а разыгранную рассказчиком «по ролям» череду реплик участников событий. Особо показательной представляется такая нарративная композиция, при которой в него включено не только описание имевшей место встречи перципиента со «сверхъестественным», но и цитации первого рассказа об этом событии. «Первый рассказ» адресуется перципиентом значимому для него другому – конфиден, ответная реплика которого является и интерпретацией, и номинацией событий, определяющими работу по переживанию сверхъестественного. По мнению авторов статьи, обнаруживаемый в нарративе порядок отношений между событием и коммуникацией позволяет судить о том, каким образом в каждой конкретной ситуации свершается экзистенциальный опыт (утрата близких, критические для жизни ситуации), стоящий за мифологическим нарративом.

© Веселова И.С., Степанов А.В., 2019

Ключевые слова: мифологический рассказ, нарратив, событие, перципиент, конфидент, опыт, переживание, коммуникация

Для цитирования: Веселова И.С., Степанов А.В. Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.

Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North)

Inna S. Veselova

*Saint-Petersburg State University, non-profit organization "The Propp Centre
for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture",
Saint-Petersburg, Russia, veselinna@mail.ru*

Andrey V. Stepanov

*Saint-Petersburg State University, non-profit organization "The Propp Centre
for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture",
Saint-Petersburg, Russia, dobrohodushka@yandex.ru*

Abstract. The article presented the study of the narrative structure of the non-fiction folklore. The material for the analysis is the corpus of the mythological narratives recorded during the folklore and anthropological expeditions to the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions) undertaken at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The communicative analysis of this corpus revealed that a large part of stories has a specific composition. These stories look like a play, performed by the narrator "by roles". They present themselves a consequence of replicas of participants of events. We focused on the composition, where those replicas cite the "first story" about this event performance. The "first story" is addressed by the "percipient" (person who was involved into a mythological events) to a so called "confidant" (person who can interpret supernatural experience). Confidant's response is both an interpretation and a nomination of supernatural events. This expert's opinion determine the work of percipient's experiencing. We conclude that the specific narrative composition with the "first story" citation revealed the collective character of the existential experience (loss of loved ones, life critical situations) in a folklore non-fiction narrative.

Keywords: mythological story, narrative, event, percipient, confident, experience, communication

For citation: Veselova IS., Stepanov AV. Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2019;4:10-24.

При подготовке к публикации корпуса сказочной прозы из полевых материалов фольклорных экспедиций СПбГУ мы столкнулись со знакомой полевым исследователям проблемой «невнятности нарративов». Проблема усугубляется при работе с данными интервью, записанными при помощи диктофонов и качественно расшифрованными. Практическое отсутствие ограничений по объему цифровых носителей, что для цифровой фотографии, что для цифрового аудио, позволяет фиксировать больше контекстной информации. В результате появляется больше ракурсов фотосъемки объекта интереса и больше реплик, предшествующих собственному рассказу и следующих за ним, что увеличивает уровень «шума» при просмотре, чтении или прослушивании. Дефицит бобин/кассет для аналоговых диктофонов вынуждали в полевых условиях исследователя быть более скупым при фиксации нарративов, кнопка «пауза» применялась чаще. Собиратели отдавали приоритет записи сказок, песен, причетов и прочих «престижных» жанров. Сказочная проза, записанная в аналоговую эру, представляла собой или «близкий к тексту» пересказ сюжета услышанного, или фиксацию с опущением реплик, напрямую не относящихся к сюжету.

Таким образом, первый вопрос, на который нам нужно было найти ответ при публикации: насколько «удобоваримым», как говаривал Винни-Пух, должен стать нарратив при публикации? Должны ли мы обрекать наших адресатов на мучительное вылавливание смысла рассказа при добросовестном дословном воспроизведении высказывания информанта/ов или упрощать устную речь для удобства читателя, но утрачивать все показатели живой устной речи.

Приведем мифологический рассказ, записанный в начале 90-х и дословно расшифрованный с кассеты. Интервью записаны Еленой Махиновой от Анны Андрияновны Федосеевой, 1907 г. р. в д. Топса на Северной Двине. Поскольку Анна Андрияновна сказывала старшие духовные стихи, фольклорную прозу, баллады и подобные перечисленным «драгоценности», то ее речь в экспедиции, посвященной персонально ей, записывалась без купюр. Попробуем разобраться, что с кем произошло в этом рассказе.

Это-то я сама слыхала. От отца [имеется в виду отец героини рассказа]. (Отец-от становил у нас больницу. Она сейчас ишо стоит на угоре, прямо у пристани.) «У меня, – говорит, – девка была невеста. Сын –

жених. Сын, – говорит, – поехал за сеном». С сеном едут – и девка едет на собаке в лес. На собаке в лес едѣ. В одной... Ну, в цѣм была зимой... А они едут с сеном. Она и говорит: «Ну-ко, дак куда наша девка поехала на собаке-то? Ну-ко, кричи нее-то!» Тот и говорит: «Да, много не покрицишь. Оне уж он где!» Лошадь едѣ вперед. И те вперед. Ну, говорит, приехали, заехали в курос <?> Энто знаешь... Жонка-то прибежала и говорит: «Мама, где, – говорит, – у нас (называѣ девку-ту)... где? – говорит». «А, – горит, – лесной увез». Та и говорит: «Што ты наделала? Што отдала нему?» «Он на собаке сейчас ее увез!» Вот сказала, што она где-то с парнем стояла. (Вот ранние какие матки-то были. Штобы нигде рядом с парнем не стоять. Во!) «Да што ты, – говорит, – што ты наделала». Ну вот. За сеном больше не поехали. Побежали к старухам: «Ну-ко, што, бабки, таперя нам делать-то. У нас девка-то вот так вот». «Да што, – оне говоря, – matka-то с ума што ли сошла?» А в аккурат в полдень. Вот в полдень. «Кабы б, грит, тебя увез... Лесной». Ну вот. Сейчас старухи сказали так: «Запрягайте три лошади. В три церкви ежайте молебен служить. В три церкви. В одни пасы. Там вот скажите, што в такие-то пасы будут та и та и та. И три». Вот, скажем, в Троицу бы поехали, в Троицу поехали, и в Курюмени была церква. Ну, вот по этой бы стороне в три церкви бы поехали бы. И отслужили, девушка, молебен. Кому служили – я уж этого не знаю. Всѣ служат. Николе больше. Никола – святитель. Всѣ это о людях-то <?> заботица-то. Ну вот. Дак, девушка, на завтра, на завтра утром та же жонка опять увидела (Дык это знаешь, покуль бегала домой – она и умерла.): в баню он привез. Обратно. В баню.

[А собака – это лесной был?] Ну. Это лесной и был. Он вот он ноцу-то и вымуцил ее всю. Дык это, ты знаешь, все-таки осподь дак, што узнали, што туды-то она увезена, а то где бы стали искать-то?¹

Дословно расшифрованные полевые записи с трудом можно понять даже при наличии поясняющих комментариев собирателей. В историях действует много лиц. В приведенной выше мы встречаем последовательно:

1. отец (отец героини рассказа) – *первоначальный рассказчик*, т. е. от которого Анна Андрияновна услышала эту историю,
2. его «девка» – дочь,
3. его «сын-жених»,
4. его «жонка»,
5. «мама» – номинация свекрови, мать рассказчика, одна из «ранних маток»,
6. старухи, при обращении к ним «бабки»,

¹ Зап. от Анны Андрияновны Федосеевой, 1907 г.р., в Виноградовском р-не Архангельской обл., в 1990 г. Е. Махиновой (ФА СПбГУ, Вин19-1).

7. сама рассказчица Анна Андрияновна,

8. «девушка» – собирательница.

Все действующие лица находятся в разных отношениях с рассказчиком. Но главное, рассказ представляет собой не столько изложение событий (в том плане, который Э. Бенвенист называл «планом истории»), сколько череду реплик преимущественно прямой речи и комментариев к ним информанта для собирателя, т. е. того, что называется «план речи» по Бенвенисту. В этом то ли рассказе, то ли сценке по памяти мы имеем несколько уровней коммуникации, каждый из которых встроен в другой по принципу матрешки. Воспользуемся классической нарратологической схемой коммуникативных уровней В. Шмида [1 с. 39–49], приспособленной к ситуации устной коммуникации, и обратим особое внимание на обращения и номинации, используемые на каждом из уровней.

1. Коммуникативный уровень фольклорного интервью

Адресант 1: информант (*непосредственный рассказчик*).

Это-то я сама слыхала. От отца [имеется в виду отец героини рассказа]. (Отец-от становил у нас больницу. Она сейчас ишо стоит на угоре, прямо у пристани.)

Адресат 1: собиратель.

Вот, скажем, в Троицу бы поехали, в Троицу поехали, и в Курюмени была церква. Ну, вот по этой бы стороне в три церкви бы поехали бы. И отслужили, девушка, молебен. Кому служили – я уж этого не знаю. Всё служат. Николе больше. Никола – святитель. Всё это о людях-то <?> заботица-то. Ну вот. Дак, девушка, наавтра, наавтра утром та же жонка опять увидела (Дык это знаешь, покуль бегала домой – она и умерла.): в баню он привез.

Адресант 1 (информант) обращается к Адресату 1 (собирателю), используя номинацию «девушка». В севернорусском речевом этикете это обращение принято между женщинами равного статуса (к лицам младшего возраста или ровесницам).

2. Коммуникативный уровень услышанного в прошлом рассказа

Адресант 2: первоначальный рассказчик, т. е. от которого непосредственный рассказчик узнал эту историю².

² Далее мы будем называть нарративы первоначальных рассказчиков, последовавшие сразу за событиями «мифологической встречи», «первыми рассказами».

Точка зрения первоначального рассказчика – ведущая в тексте. От его лица именуются в «плане истории» участники коммуникации – «девка», «сын-жених», «жонка».

У меня, – говорит, – девка была невеста. Сын-жених. Сын, – говорит, – поехал за сеном.

Адресат 2: Анна Андрияновна, которой когда-то рассказали эту историю.

3. Коммуникативный уровень участников событий мифологического рассказа

На этом уровне Анна Андрияновна цитирует номинации, которые были приведены первоначальным рассказчиком и которые использовали участники событий в диалогах между собой. В записанном в поле «мифологическом рассказе» звучат голоса участников событий. Так, «жонка», жена первоначального рассказчика, обращается к пославшей к лесному ее дочь свекрови – «мама», как это принято на Русском Севере.

Адресант 3: жонка.

Адресат 3: ее свекровь.

Жонка-то прибежала и говорит: «Мама, где, – говорит, – у нас (называё девку-ту)... где? – говорит».

4. Коммуникативный уровень предполагаемых диалогов

Упоминаются коммуникации, свидетелем которых первоначальный рассказчик не был, но уверен в том, что они имели место: молебен Николе.

Перед нами нарратив, в котором изложение событий «мифологической встречи» излагается не в нарративном плане, а как «представление по ролям». Анна Андрияновна воспроизводит в репликах участников события рассказ «первоначального рассказчика», в котором впечатления еще «горячи», эмоционально насыщены. Мы полагаем, что рассказывание, следующее сразу за «необъяснимым» событием, значимо для формирования опыта. Мы имеем дело со следующей композицией: «рассказ о первом рассказе» встроен в зафиксированный исследователями «в поле» нарратив. Тот первый рассказ участника событий (первоначального рассказчика) не выполнял развлекательной или назидательной функций, которые обычно приписывают этим высказываниям. «Первое рас-

сказывание» и есть переживание события, исполнитель первого рассказа является *перцепиентом* странных событий. *Перцепиентом* мы называем такого участника событий «мифологической встречи», который непосредственно испытал ощущения в результате воздействия необъяснимых сил. Перцепиент слышал, видел, чувствовал, терял дорогу, разговаривал – т. е. органами чувств воспринимал проявления необъяснимого.

Часто в записанных нарративах о встрече с проявлениями «потустороннего мира» перцепиент сообщает о своих ощущениях компетентному лицу, связанному с ситуацией и могущему, по мнению рассказчика, идентифицировать/объяснить происшедшее, которого мы назовем *конфидентом*. Зачастую именно конфидент, адресат «первого рассказа» и «выдает рецепт», что делать в случившейся ситуации. На эмоциональную насыщенность рассказывания указывали исследователи, обращающие внимание на прагматические параметры высказывания. Е.Е. Левкиевская отмечала относительно свойственных быличке типов референции, что они основаны на том, что «адресат речи располагает теми же сведениями об обозначаемых объектах, что и говорящий», что «характерно для фатических жанров речи, в которых эмоциональная функция превалирует над информативной» [2 с. 209]. Мы хотели бы остановиться именно на «эмоциональности» рассказов, которые при ближайшем рассмотрении оказываются не столько историями, сколько представлениями, своего рода перформансами в квадрате. Нам представляется, что не жанр обладает эмоциональной функцией, но люди переживают эмоции, пользуясь высказываниями такого типа как инструментами. Суть речевой деятельности состоит в работе переживания.

Нам приходилось писать, что мифологические рассказы и другие тексты сказочной прозы представляют собой сюжеты причинно-следственного типа [3,4]. Часто критические события, события экзистенциального опыта интерпретируются нашими рассказчиками через опыт «встречи» с иномирным. Сами события такого рода встреч, как многократно указывалось, являются «вчитыванием» в акустические, визуальные, тактильные впечатления тех самых «мифологических», «демонологических» смыслов. Запуску особой впечатлительности служат экзистенциальные переживания, «разрывы жизни»: утраты близких и имущества, болезни, выздоровления и т. п.

Моменты опыта Чарльз Пирс называл встречами Я с НЕ-Я:

Человек в своей инертности отождествляет себя с предшествующим состоянием своего ощущения, так что новое ощущение, приходящее независимо от него, выступает как не-я. Он обладает двусторонним

сознанием «я» и «не-я». И это осознание действия нового ощущения в разрушении старого «я» называют опытом. Вообще опыт – это то, что сам ход жизни вынудил меня думать [5 с. 165].

Психолог-феноменолог Ф.Е. Василюк в книге «Психология переживания (Анализ преодоления критических ситуаций)» описывает работу переживания, состоящую в активном созидании смысла и преодолении «разрыва жизни». Он пишет:

Внешние действия осуществляют работу <...> через изменения сознания субъекта и вообще его психологического мира. Это поведение иногда носит ритуально-символический характер, действуя в этом случае за счет подключения индивидуального сознания к организующим его движению особым символическим структурам, отработанным в культуре и сконцентрировавшим в себе опыт человеческого переживания типических событий и обстоятельств жизни [6 с. 28–29].

Предметом нашего интереса, таким образом, являются не мифологические представления и сюжеты, но ситуации повышенной неопределенности и феномены опыта, при которых люди обращаются к бытующим в культуре сюжетам и представлениям для переживания событий.

Нарративизация события опыта может происходить в разных коммуникативных контекстах. Исследователи особое внимание уделяют ситуациям досужей или ритуализированной беседы. Рассказывание быличек в данных контекстах представляет собой обмен репликами. В одном случае мы имеем дело с обменом быличками – их рассказыванием по кругу. В другом – имеет место двухчленная форма актуализации одного нарратива: податель первой реплики разворачивает сюжет, податель второй – называет имя сверхъестественного явления [2,7]. Участники коммуникации здесь – фигуры равной компетенции. Обмен репликами-историями в ситуации беседы преследует несколько целей. Во-первых, подтвердить имя события, «чтобы таким образом опыт был освоен», поскольку, согласно Е. Мигуновой, речь в быличке идет не о персонаже, а о событии, случившемся с человеком [7 с. 251]. Во-вторых, обмен быличками служит подтверждению статусно-коммуникативной компетенции участников беседы. Кроме того, Е. Левкиевская, как уже отмечено, акцентирует важность эмоциональной составляющей, которая, посредством совместного переживания участников, способствует успеху информационной и дидактической функций быличек [2 с. 188]. Ситуацию статусного неравенства коммуникантов

исследователи считают «неправильным контекстом» (например, соответствующим разговору собирателя с информантом).

Между тем не сложно заметить, что ситуация беседы есть ситуация, дистанцированная от события – как темпорально, так и экзистенциально, в том смысле, что опыт перцепиента-рассказчика к тому моменту уже должен состояться.

Рассмотрим пример.

Меня саму давил. Когда у меня умер муж, я его не видела во сне. А увидела через девять месяцев. Всё говорю вам, наплету. [Дак вы так хорошо рассказываете, что мы так слушаем-слушаем!] И вот я только усну. Обычно я ложилась спать, было, в десять, в одиннадцать, пол-одиннадцатого. И вот где-то заснула, и вот на меня будто где-то навалился человек. Тяжёлый! Грузной-грузной! И вот чувствую, что меня давит, и ничем не могу пошевелить и ничё не понимаю. Это во сне-то вижу, где-то будто он шёпчет, шёпчет, и я никак понять не могу. Говорят, что иногда он чё-то шепчет, домовоёшкo, но нескоро разберёшь. Чё-то лекочет. «К худу», – говорит. Лекочет опять не поймите. Ну, вот плохо говорит. А я-то тоже, вроде, ещё перво время ночью бояться-не боялась, но худо было всё равно: одна в доме. Ну и вот. И чё-то руки-ти у меня как-то, будто этого человека я с себя сдвигаю-сдвигаю. Никак сдвинуть-то не могу, дак вот маленько где-то правую руку просунула, крест наложила, он с меня скатился, говорит: «Догадалась!» [сухим, сжатым голосом]. То ли я во сне вижу, то ли я во сне видела, то ли мне так сказало – я разбудилась. Лежала-лежала-лежала-лежала. Вот, говорит, на мне человек лежал и нету. Тёмно ведь, тёмно в октябре. Ну и не знаю, в чём дело, чё тут тако. Свет зажгла – без пятнадцати двенадцать. Ну минут пятнадцать, наверно, лежала я, до самой полночи вот. И с той поры до нынешней поры я раньше двенадцати не волюсь. У редко! Уж когда заболёю – свалюсь. В двенадцать разбужусь. Вот отчего тако? Не знаю. На друго утро встала пошла к Жене у сестры, ну она там живёт, дальше дак. Пришла – её дома нету. Пошла на кладбище к мужику. Человек-от голый, будто вот на мне кто пихается голый. Ну и на кладбище сходила, майку снесла, зарыла. Обратнo иду, она идёт вот отсюда из Волости. Говорит, а обычно мы с ей ходили. Вот, наверно, на кладбище не ходила она: «Пойдёшь, скажи, дак я с тобой схожу». «Чё, – говорит, – одна на кладбище ходила?» Я говорю, вот так и так. Она говорит: «Ну, это тебя домовоёшкa давил. Наверно, – говорит, – плакала вечером?» Я говорю: «Нет, не плакала, ничё не думала. Наоборот, повалилась рано». «Домовоёшкo давил. Ничё не сказал?» Я говорю: вот так-то так сказал, говорю, чё, дак чё-то поняла и не поняла: «Догадалась!» [сухим сдавленным голосом]. Ну, я руку-то тоже уж это, маленько крест-от, не там, не видит [показывает, что крест неширокий наложила], только тут. Видно,

надо крест. А я не молилась, и не крещёна. Дак вот с той поры, ну светло-то тоже нынче-то, а темно, так валюсь, крест-от наложу. Надо ли не надо, ладно ли неладно, понимаю ли не понимаю. А говорят, надо. Вот так. Вот так. Таки дела. Не знаю я домовоёшкo, кто знат, от людей слыхала. А говорят, прилив крови бывает. Кто по-учёному-то скажет «прилив крови», а старики-ти... Ой³.

Нарратив отвечает всем перечисленным выше критериям: есть событие «встречи» и есть первый адресат-конфидент, причастный горизонту события (женщина, с которой рассказчица обычно посещает кладбище) и авторитетный для того, чтобы идентифицировать событие: дать ему имя и квалифицировать с точки зрения соответствия / несоответствия норме (плакала / не плакала вечером) (см. [2 с. 176–178; 4; 7 с. 243–252]). Нарратив содержит, конечно, больше того, что могло быть артикулировано в «первом рассказе» (рассказе по факту) – то, чем он оброс в ходе дальнейших исполнений/интеракций. Таким элементом является последующий режим сна рассказчицы, которому событие рассказа послужило прецедентом. Возможно, что и элемент общего знания – «Говорят, что <...> шепчет домовоёшкo» – включен в рассказ в качестве пояснения для «непосвященных» – девушек-исследовательниц. Само событие вписывается в предлагаемый «традиционным» запасом знания типовой сюжет (сюжетного типа «Догадалась!»). Тот же запас предоставляет и схему интерпретации этой ситуации повышенной неопределенности / сценарий ее разрешения: явление голого «мужа» – зарывание майки на могиле. Все это должно помочь субъекту пережить событие. Он, таким образом, уже заранее вооружен, заранее «знает». Но только рассказывание и обратная связь делают опыт очевидным⁴ и совершившимся, только идентификация, полученная от значимого другого, придает переживанию окончательную форму.

«Первые рассказы» – это, повторимся, рассказы конфиденциальные. Первая реплика адресована конфиденту, выбранному перципиентом метафизического опыта, первоначальным рассказчиком – человеку близкому ему и зачастую включенному в контекст события. При этом коммуникативная ситуация первого, конфиденциального рассказа подразумевает неравенство компетенций коммуникантов. Например:

³ Зап. от ж., 1932 г.р., в Мезенском р-не Архангельской обл. в 2007 г. А.А. Чечик, А.Ю. Цветковой (ЭАРП, DTxt07-075_Arch-Mez).

⁴ В хайдеггеровском смысле: «сообщающая речь делает свой предмет очевидным и, таким образом, доступным другому» [8 с. 32].

Не знаю, у меня дома, дак я не знаю кто: я дома спала – еще девкой была – вот в третьей комнаты, господи, спала вот в прихожей – всё ведь прибежала <?> – и мне ночью рука шерстна-шерстна как тяпнула на меня на живот, на живот. Я как – зареветь я не могу. Я пощупала руку-то – ой, рука-то большая. Я руку-то отдернула и... и не могу зареветь-то. Потом он когда руку-то стянул, я заревела и прилетела в кухню, мама говорит: «Чё с тобой сделалось?» Я говорю: «Мама, там кто-то у нас, – говорю, – под койкой есть: такая шерстнатая, – говорю, – рука, меня, – говорю, – так я не могу закричать». Она говорит: «Поди, вались сюда – не ходи». Я говорю: «Я больше...» И с той поры я больше в прихожей не спала – боялась. Прямо вот такая – прямо как мужская рука, большая, шерстнатая! Я и задела эту руку-ту. Чё такое? Ладно. Я потом после говорю: «Мама, это чё такое?» Она говорит: «Это тебя наверно домовый из дома выживает»⁵.

[Говорят, еще бывает соседко как-то ревит, ну – соседушка?]

Ну, соседка ревит, так это не перед добром.

[Не перед добром?]

А вот раз у меня было, ну, не года 2 ли 3 назад, ну, может 2, может 3... Вот этот тоже в баню...правда, чай пили, он ушел в баню, я вот чего [нрзб.] чай пью. Слышу: кто-то соскочил. Думала – кошка, оглянулась – кошка лежит там, никого нет. К этой бабке пришла, вот к этой – к Анне-то Давыдьевне, я говорю: «Кто-то скачет». Она говорит: «Соседко скачет». Правда это, это точно. [Это она вам сказала, что...] Да, да, да.

[И чего она сказала делать?] Нет, ничего, надо четверть – кусок хлеба разрезать да положить в углы, да и всё. [Для соседки?] [нрзб.] всех по местам...Он жил видно в избе. [Так это 4 угла – в хлеву или в избе?] Я забыла уж – в избе, вроде. Вот и не один раз у меня так: Васька идет в баню, сию – чай пью. Кто-то тут – как я думаю, кошка, кошка назаде лежит. Потом к Давыдьевне пришла как-то, я говорю [нрзб.] этот соседко. «Это, – говорит, – ничего страшного»⁶.

Дочь – мать, молодка – свекровь, внуки – бабушка, недавняя вдова – бывалая соседка, замужняя женщина – «знающая» и т. п. – вот характерный состав участников первичного диалога – перципиентов-рассказчиков и их конфиденгов. Реплика первых состоит из повествования о случившемся и финального вопрошания: «кто это?» или «что это?», реплика вторых – в компетентной интерпретации услышанного: конфиденги называют имя сверхъестествен-

⁵ Зап. от ж., 1927 г.р., в Мезенском р-не Архангельской обл. в 2008 г. О.Г. Хон, А.В. Степановым (ЭА РП, DTxt08-274_Arch-Mez).

⁶ Зап. от ж., 1932 г.р., в Верховажском р-не Вологодской обл. в 2007 г. Е.Б. Толмачевой, А.В. Степановым (ЭА РП, DTxt07-034_Vol-Verch).

ного агенса, поясняют его намерения, справляются о возможном нарушении той или иной нормы со стороны перципиента, характеризуют валентность события, выдают «рецепт» для исправления ситуации и под.

Особый накал событие имеет в тех широко известных сюжетах, когда конфидент является одновременно и участником самого этого события, т. е. сверхъестественный агент является в его облике. Коммуникация о событии здесь вытекает из самого его сюжета.

Например:

Я вот в школу ходила, дак видела доброходушка-то сама. [Как это так?] А вот второй или в третий класс помню ходила там на Монастырской. Шла из школы, сразу мне видно писать захотелось, я пришла туда – не туалеты были, а лестница на двор, дак между-то лестницей встала – что это? Бабушка идет с кузовом, с сеном, в подклет пошла, по двору-то идет к подклету, подклет открыла, пошла – бабушка как бабушка. Пришла в избу-то, а бабушка-то сидит у судёнки. *Я сначала-то не знаю чё и говорить*. Я говорю: «Бабуш, я сейчас видела, ты ходила в подклет». Говорит: «Как в подклет? С чем?» А говорю: «С кузовом, в кузове сено». «Ой, – говорит, – девка, это знаешь чего? Это доброходушка передаывает – после меня подкармливает скотину». [А, это ее доброходушка был?] Ч.Н.А.: Да. Ч.Т.С.: Видно. Ну, я увидела, пришла, а она сидит у суденки⁷.

Да у нас вот на ферме работала вот Тани Смирновой бабушка, и я тогда работала дояркой. А сторож был Иван Александрович. В двенадцать часов ночи он пошел, это, и потом она пришла утром и говорит: «Ты, Шурка, паря, чего ночью-то приходила?» «Да что ты, – говорит, – Иван Александрович, я не приходила!» «А, – говорит, – да как не приходила? По ходу ходила, у коров трясла». «Дак *он*, – говорит, – в чьем-то облике показался. Я, – говорит, – не приходила». [Это он помогал?] Да он помогал, трясет как доброходушко, трясет корм для коров. «Шурка, – говорит, – ты чего ночью-то приходила?» «Я, – говорит, – не приходила ночью – доброходушко показался»⁸.

Безусловно, каждое последующее рассказывание выстраивает событие-референт, и «окончательные» формы нарратив получает после многократных воспроизведений. Нарративы, которые мы

⁷ Зап. от ж., 1928 г.р., м. 1929 г.р., в Сямженском р-не Вологодской обл. в 2006 г. А.В. Степановым (ФА СПбГУ, Сям20-156).

⁸ Зап. от ж., 1936 г.р., в Сямженском р-не Вологодской обл. в 2005 г. Д.К. Туминас, А.С. Семенов (ФА СПбГУ, Сям19-17).

записываем в «поле», возможно, уже не те, какими они были в акте первого рассказа. Но рассказы, которые мы имеем, уже самой своей композицией (структурой) предъявляют изначальную ситуацию: когда неопределенность была непосредственно дана сознанию и когда она была «пережита» в коммуникации, через, выражаясь словами М. Мерло-Понти, «рефлексию в другом» (эмпатическое «подхватывание мысли (переживания) другого с опорой на речь») [9 с. 235]. Именно здесь происходит «перевод опыта на язык» (согласно термину Билла Эллиса [10]).

Рассказы по факту, безусловно, со временем переходят в нарративы на досужих или ритуализированных беседах. Там они обретают собственные функции и эмоциональное напряжение. Но, в принципе, эти контексты «первого рассказа» и ритуализированной беседы нет смысла противопоставлять. Индивидуальный опыт, явленный во «встрече» и пережитый в первом диалоге, в ситуации беседы закрепляется в групповой культурной памяти, сообщая ей те самые «символические структуры, концентрирующие опыт переживания» [6 с. 28–29], чтобы будущие опыты были снабжены необходимым арсеналом смыслопорождающих паттернов («культурных схематизмов» [6 с. 161]). Таким образом, осуществляется системная рекурсия смыслов. Показательно, что возраст рассказчиков на момент события очень часто молодой – и физически и социально, т. е. они живут со своими рассказами и копят их до тех самых «бесед» «бывалых». Отметим также, что в ситуациях, значимых для всего сообщества, касающихся базовых принципов его самоорганизации – в таких, например, как потеря человека, – обсуждения/беседы возникают без отрыва от события, они вовлечены в событие (об этом см. [2]).

Рассказы, содержащие цитацию «первых рассказов» и интерпретации конфидентов, отличаются по эмоциональному накалу и работе «созидания смысла». Опыт у каждого индивидуальный – это «разрыв жизни», который нуждается в деятельности по созиданию смысла. «Разрыв жизни» – ситуации старости и приближения смерти, вдовства, потери ребенка. Но в деятельности опыта участвуют многие. В рассказах-перформансах мы слышим хор голосов: свидетелей, толкователей, утешителей – соучастников событий и опыта. В устной речевой культуре экзистенциальный опыт переживается в диалоге перципиента и конфидента, обмене репликами в пределах их компетенций. Можно предположить, что чем более книжной и письменной становится культура, тем меньше голосов звучит в перформансе, тем более нарративным становится рассказ. Следы речевого соучастия в опыте другого мы слышим в репликах прямой речи тех самых «невнятных рассказов», с которых мы начали эту статью.

Сокращения

ЭА РП – Электронный архив «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»
 ФА СПбГУ – Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета

Литература

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
2. Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 150–213.
3. Веселова И.С. Случай: дискурсивные и поведенческие измерения // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 179–191.
4. Веселова И.С. Событие жизни – событие текста [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm> (дата обращения 03.03.2019).
5. Пирс Ч.С. Учение о категориях. О знаках и категориях // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. М.: Логос, 2000. С. 96–175.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 240 с.
7. Мигунова Е.А. К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 408 с.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 608 с.
10. Ellis B. "When is a Legend?": An Essay in Legend Morphology // *The Questing Beast: Perspectives on Contemporary Legend*. Vol. IV. Ed. Bennet G., Smith P. Sheffield: University of Sheffield, 1989. p. 31–54.

References

1. Schmid W. Narratology. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; 2003. 312 p. (In Russ.)
2. Levkievskaya EE. Pragmatics of mythological text. In: *Slavic and Balkan Folklore. Semantics and Pragmatics of the Texts*. Moscow: Indrik Publ.; 2006. p. 150–213. (In Russ.)
3. Veselova IS. A Case: Discursive and Behavioral Dimensions. In: *Natales grate numeras? Papers presented to George Akhillovich Levinton's 60th birthday Anniversary*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ.; 2008. p. 179–191. (In Russ.)

4. Veselova IS. Event in the Life – Event in the Text [Internet]. *Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm> [data obrashcheniya 3 March 2019]. (In Russ.)
5. Peirce ChS. The Doctrine of Categories. About Signs and Categories. Peirce ChS. *Selected philosophical works*. Moscow: Logos Publ.; 2000. p. 96–175. (In Russ.)
6. Vasilyuk FE. Psychology Experiences. Moscow: MGU Publ.; 1984. 240 p. (In Russ.)
7. Migunova EA. To the Question of the Function of the Mythological Story. In: *Traditional models in folklore, literature, art*. Saint Petersburg: Yevropeiskii Dom Publ.; 2002. p. 243–252. (In Russ.)
8. Heidegger M. Being and Time. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2011. 408 p. (In Russ.)
9. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. Saint Petersburg: Yuventa, Nauka Publ.; 1999. 608 p. (In Russ.)
10. Ellis B. “When is a Legend?": An Essay in Legend Morphology. In: *The Questing Beast: Perspectives on Contemporary Legend*. Vol. IV. Ed. Bennet G., Smith P. Sheffield: University of Sheffield Publ.; 1989. p. 31–54. (In Eng.)

Информация об авторах

Инна С. Веселова, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 4; veselinna@mail.ru

Андрей В. Степанов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 4; dobrohodushka@yandex.ru

Information about the authors

Inna S. Veselova, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, Russia, 199034; “The Propp Centre for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture”, Saint Petersburg, Russia; bld. 4, 1-ya Liniya Vasilievsky Island, Saint-Petersburg, Russia, 199034; veselinna@mail.ru

Andrey V. Stepanov, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 11, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, Russia, 199034; “The Propp Centre for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture”, Saint Petersburg, Russia; bld. 4, 1-ya Liniya Vasilievsky Island, Saint-Petersburg, Russia, 199034; dobrohodushka@yandex.ru